

Кабанова Лилия Ивановна

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье автор обращается к теме использования герменевтической методологии для исследования различных феноменов культуры, в частности современного искусства. Рассмотрены герменевтические концепции, представленные в работах М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, П. Рикера, М. Бахтина, М. Мамардашвили. Обосновывается представление о том, что универсальность герменевтического метода обусловлена его сосредоточенностью на феномене понимания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/19.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 74-77. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ. М.: ИФ РАН, 1993. 215 с.
2. Иноземцев В. А. Концепция интеллектуальных телекоммуникаций и интеллектуальные телекоммуникационные технологии // Методы современной коммуникации. М.: Издательство МГЛУ, 2002. С. 74-78.
3. Иноземцев В. А. Опыт разработки концепции интеллектуальных телекоммуникаций и интеллектуально-телекоммуникационного общества // Становление информационного общества в России: философские, политические и социо-культурные проблемы. М.: МИРЭА, 2003. С. 40-43.
4. Иноземцев В. А. От метафоры искусственного интеллекта к концепции интеллектуально-телекоммуникационного общества // Философия искусственного интеллекта. М.: ИФ РАН, 2005. С. 167-173.
5. Иноземцев В. А. От теологии к футурологии: опыт разработки концепции интеллектуальных телекоммуникаций и интеллектуально-телекоммуникационного общества // Становление информационного общества в России. М.: Издательство МИРЭА, 2003. С. 40-43.
6. Иноземцев В. А. Промегамены к философии интеллектуально-телекоммуникационного общества // Материалы всероссийского философского конгресса. М.: МГУ, 2005. Т. 2. С. 42-43.
7. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 287 с.
8. Философия искусственного интеллекта: материалы Всероссийской междисциплинарной конференции. М.: ИФ РАН, 2005. 399 с.
9. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 430 с.

INFORMATION-COMPUTER REVOLUTION AND INFORMATION SOCIETY FORMATION

Vladimir Aleksandrovich Inozemtsev, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Vladimir Evgen'evich Udovik

Department of Philosophy and Psychology

Moscow State Technical University "Moscow Auto-Mechanical Institute"

inozem_63@mail.ru; ludovik-70@mail.ru

The authors research the essence, intelligent and technological preconditions, main trends of the development, current status and prospects of information-computer revolution as well as this revolution influence on information society formation, differentiate between information revolution in broad and proper senses of the word, study the impact of information-communication technologies and intelligent computer technologies on modern socium life activity and on the formation of the society basing on knowledge and suggest the development of intelligent telecommunications (ITC) and intelligent-telecommunication society (ITCS) conception.

Key words and phrases: information revolution; information-communication technologies; technogenic civilization; information society; social-cultural tradition; intelligent technology; information leap; intelligent telecommunications; intelligent-telecommunication society.

УДК (091)130.2

В статье автор обращается к теме использования герменевтической методологии для исследования различных феноменов культуры, в частности современного искусства. Рассмотрены герменевтические концепции, представленные в работах М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, П. Рикера, М. Бахтина, М. Мамардашвили. Обосновывается представление о том, что универсальность герменевтического метода обусловлена его сосредоточенностью на феномене понимания.

Ключевые слова и фразы: герменевтика; понимание; знак; символ; самопонимание.

Лилия Ивановна Кабанова, к. филос. н.

Кафедра философии

Петрозаводский государственный университет

Lila31@yandex.ru

**ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ФЕНОМЕНОВ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ©**

Герменевтическая методология является сегодня одним из возможных исследовательских подходов к различным феноменам культуры и текстам, наряду с семиотическим, феноменологическим, культурно-историческим и другими методологическими подходами. Однако следует задаться вопросом об особенностях герменевтического метода, его преимуществах, возможных границах исследования с помощью данного метода. Для ответа на данный вопрос обратимся к герменевтическим концепциям, представленным в работах М. Хайдеггера, Г. Г. Гадамера, П. Рикера, А. Потебни, М. Бахтина, М. Мамардашвили.

Обращаясь к истории вопроса, заметим, что на становление герменевтики большое значение оказали идеи немецкого лингвиста В. Гумбольдта. Язык понимается Гумбольдтом как деятельность духа и как результат этой деятельности. Он пишет следующее: «...язык есть не продукт деятельности (Ergon), а сама деятельность (Energeia)» [7, с. 22]. «Энергейтическая» теория языка Гумбольдта ввела в научный контекст понятие *внутренней формы языка*. Эта идея впервые получила детальное осмысление в России, в трудах А. А. Потебни. Структура художественного произведения, по мнению Потебни, так же как и структура слова, состоит из трех составляющих: внешнего знака значения, внутреннего знака значения и из самого значения. Потебня пишет: «В художественном произведении те же самые стихии, что и в слове: содержание (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию; внутренняя форма, образ, который указывает на это содержание, соответствует представлению (которое тоже имеет значение только как символ); и, наконец, внешняя форма, в которой объективируется художественный образ» [13, с. 179]. Потебня рассматривает внутреннюю форму слова как отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Следовательно, он воспринимает каждое слово как акт мысли или точку опоры для мысли, при помощи которой человек снова узнает то, что уже было в его сознании. «Он одновременно и творит новый мир из хаоса впечатлений, и увеличивает свои силы для расширения пределов этого мира» [12, с. 302], – пишет Потебня. Поэтому внутренняя форма должна сначала вступить в отношение к себе самой. Возрастающий интерес к внутренней форме говорит о смещении интереса на содержательные структуры, в частности в сторону феномена понимания.

Действительно, в основе любого герменевтического исследования находится проблема понимания. В современной философии одно из самых основательных описаний феномена понимания принадлежит М. Хайдеггеру. Он образно сравнивает понимание с усилием броска. Понимание «имеет экзистенциальную структуру, которую мы называем наброском» [16, с. 145]. Понимание есть то, на что себя бросает в неисчерпаемости своих возможностей, само оно есть возможность в экзистенциальном плане. Отсюда тесная связь понимания и «смотрения» в феноменологии мыслителя. Смотрение не означает здесь какой-то чувственный или эмпирический опыт, но является подходом к сущему и бытию. Понимать – значит видеть и истолковывать, а толкование или интерпретация означает то же самое, что «разработка набросанных в понимании возможностей» [Там же, с. 146]. Возможности разные – либо простое «глазение» и «бескачественное восприятие», либо опыт прозрачности или самопознания.

В отечественной мысли связь между пониманием и самопониманием отчетливо прослеживается в философской герменевтике Мамардашвили. Согласно автору, для того, чтобы **быть**, человеку необходимо постоянно воспроизводить вокруг себя «пространство самопостроения»: «У тех, кто понял, – возникло это пространство, и в нем они могут родить себя как живые существа из самих себя. А те, кто не понял, – у них не оказалось такого пространства, не было вещей или символов, которые помещали бы их в точку роста, необходимость понимания связана с экзистенциальным способом бытия человека, с механизмом уважения человека к самому себе» [9, с. 49]. Человек не может жить в мире, который ему непонятен. Но принцип этого понимания всегда соотносен с отношением к своей самости. Это отношение может быть соотносимо как со знаковым, так и символическим универсумом, а отношение знака к символу дублирует в некотором смысле отношение психики к сознанию. Психика функционирует как «аппарат отражения, не связанный с сознанием» [11, с. 76]. На том же уровне анализа, что и естественный аппарат, находится и знаковая система. Знакам присуща тенденция, которую можно назвать тенденцией «антисознания». Нечто, чтобы быть знаком, предполагает рефлексию человека о самом себе как о существе, «оперирующем знаками» [Там же, с. 91]. Из данного противопоставления исходит двойственность знания и понимания: «Когда мы говорим, что сознание оперирует знаками и предметами, то фактически это оперирование языком как системой, которую мы понимаем, а наше действие как существ, которые уже знают язык и оперируют предметами как таковыми» [Там же, с. 92]. Чрезвычайно важно в этом случае выделить символы как самостоятельную и незнаковую категорию, которая может быть только понята, но не познана: «Символы мыслятся нами как репрезентации сознательных посылок и результатов сознания. В этом смысле символы соотносятся с пониманиями» [Там же, с. 99]. Семиотизация способствует тому, что постепенно символы истончаются, а то и вовсе теряются. Это и есть современный «недостаток символизма», главная причина которого в том, что внутри наших знаковых систем символы десимволизируются, теряют свое сознательное содержание и превращаются в знаки в нашем позитивном рассмотрении: «Оказываясь внутри наших знаковых систем, символы переходят из ситуации понимания в ситуацию знания (то есть в ситуацию активно действующего автоматического режима нашего индивидуального психического механизма)» [Там же, с. 102]. Так происходит непрерывающийся процесс перевода символов сознания в знаки культуры.

Важным аспектом проблемы понимания является не только необходимость понимания себя, но также необходимость понимания «Другого», связанная с «проблемой возможности проникновения в чужое сознание» [10, с. 189]. Самой большой загадкой для человека становится «Другой», его мысли и поступки. Проблема-тичность самопонимания, как и понимание «Другого», находится в центре внимания исследований М. Бахтина. Одной из основных возможностей для человека понять самого себя и понять другого является диалог. Только в диалогическом взаимодействии индивидов, по мысли Бахтина, возможно возникновение смысла: «Если мы превратим диалог в один сплошной текст, то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет» [2, с. 364]. Истоки интереса к проблеме диалога для самого Бахтина кроются в осознании того факта, что существует некая пропасть не только между словами и миром, но и между двумя собеседниками: «Когда мы глядим друг на

друга, два разных мира отражаются в зрачках наших глаз» [1, с. 25]. Тем не менее Бахтин пишет о том, что слово хочет быть услышанным, ищет ответного понимания, для слова нет ничего страшнее безответности.

Сосредоточенность на проблеме внутренней формы, понимания, самопонимания, понимания «Другого» привела герменевтику к рассмотрению проблематики современной культуры через сопряжение трех позиций: автора, текста и реципиента. Значимую роль в выявлении сущностных оснований современной культуры имеет деятельность Гадамера. Он критически осмыслил предшествующую герменевтическую традицию, выявил в ней основные направления и предложил собственный подход. Гадамер использует опыт искусства для подкрепления своих выводов. Феномен искусства, и особенно изобразительное искусство, представляется мыслителю наилучшим образцом вневременного или надвременного: «...отдельное произведение сосредоточивает в себе и выражает символические черты, присущие всему сущему» [5, с. 256]. Искусство имеет прошлое, но принадлежит настоящему и в этом отношении всегда современно, оно «умеет преодолевать временную дистанцию благодаря тому, что обладает своим собственным смысловым настоящим» [Там же, с. 216]. Утверждаемая Гадамером «вневременность» произведения не означает, что оно не нуждается в понимании здесь и сейчас. Скорее наоборот, пласт времени, разделяющий момент создания произведения и момент восприятия его в настоящем, спрессовывает все возможные смыслы произведения, открывает его с позиции мировидения современного человека, позволяет включиться в культурные контексты. «Художественное произведение нам что-то говорит, и тем самым оно предмет герменевтики» [6, с. 259], более того, произведение обращено к каждому человеку, но говорит с теми, кем оно востребовано. Гадамер разрабатывает трактовку понимания, ссылаясь на онтологию понимания Хайдеггера. Акт понимания как «пересечение мира текста и мира воспринимающего субъекта» [8, с. 70] становится в конечном итоге процессом *самопонимания*. Однако, как пишет Гадамер, «слово “самопонимание” может напомнить, что именно человеку не удастся самого себя понять. Для человека самопонимание представляет собой нечто незавершенное, всегда новое дело и всегда новое поражение» [4, с. 249].

В связи со сказанным есть смысл обратиться к исследованиям Рикера. Герменевтическое исследование, согласно Рикеру, нацелено на эволюцию текста от момента возникновения произведения до его прочтения и интерпретации. Во втором томе работы «Время и рассказ» он пишет о том, что в той мере, в какой всякое произведение действует, оно добавляет к миру нечто, чего в нем не было. На примере живописи Рикер демонстрирует действие так называемой «стратегии иконического приращения» [14, с. 98]. Опыт беспредметного искусства подводит его к мысли о том, что это искусство представляет собой особый случай письма. Художник «может создать новый текст реальности» [17, р. 41], расширяя тем самым горизонты мира. Импрессионизм и абстракционизм, как пишет Рикер, наиболее смело упразднили природные формы ради конструирования знаков, чья комбинаторика стремится к созданию оппозиции привычному восприятию, к демонстрации «non-perceptual structures» – невоспринимаемых структур. Очевидность отрицания реальности в современной живописи для Рикера становится условием для обнаружения беспредметной сущности вещей. Иконичность в этом случае показывает то, что не может показать обычная действительность, «посредством открытия реальности более реальной, чем привычный мир» [Ibidem, р. 42]. Рикер подчеркивает фактор времени в данной стратегии. Бытийная сущность, интенциональная структура предмета искусства не ограничивается фактом того, что он «уже есть», уже наличествует, уже полностью предстает перед нами, а зрителю остается только созерцать его чистое присутствие. Любой предмет искусства, в принципе, может быть понят в его становлении, в аспекте его внутреннего времени. Концепция Рикера о трех стадиях мимезиса служит неким путеводителем в пространстве текста и его восприятия. Герменевтическое движение между текстом и временем постоянно возрождается в круге, который образуют стадии мимезиса.

«Мимезис 1», или «префигурация», отсылает к феноменологическим и экзистенциальным понятиям жизненного мира и предпонимания. Любой текст укоренен в предпонимании жизненного мира. В тексте всегда описывается лишь то, что уже было очерчено человеческим опытом. Заслугой автора становится именно утонченное восприятие подобных явлений. «Мимезис 1» оказывается тесно связанным с «Мимезисом 2», являющимся миром самого текста. Рикер называет его «конфигурацией», или «лабораторией форм». На этой стадии происходит столкновение мира текста и мира реального, но подчас «мир текста трансформирует реальность» [15, с. 24]. Завершающей стадией выступает «Мимезис 3», или «рефигурация». Это акт восприятия текста. Коммуникативный потенциал этой стадии заключается как в получении удовольствия от текста, так и в расширении своих собственных границ. Как пишет Рикер, «мир есть совокупность референций, открываемых всеми видами дескриптивных или поэтических текстов, которые я прочитал, истолковал и полюбил. Понимать эти тексты – значит интерполировать на предикаты нашей жизненной ситуации» [14, с. 98].

Резюмируя, заметим, что универсальность герменевтического метода обусловлена рассмотрением различных феноменов культуры, таких, например, как современное искусство, через призму феномена понимания. В свою очередь, феномен понимания интерпретируется по-разному: как «онтологическое основание человеческого существования», «набросок» (Хайдеггер), как «пространство самопостроения» и «механизм уважения человека к самому себе» (Мамардашвили), в качестве понимания «Другого» (Бахтин), как «пересечение мира текста и мира воспринимающего субъекта» (Гадамер, Рикер). В рамках различных подходов актуализируются потребность в более глубоком рассмотрении проблемы знака и символа, продвижение от семиотики знака к герменевтическому истолкованию символа. В осуществлении попытки выхода из замкнутого знакового топоса в область символическую только и можно ставить вопрос о понимании и самопонимании.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 40-104.
2. **Бахтин М. М.** К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361-373.
3. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философский трактат / пер. с нем.; вступ. ст., примеч. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 1-75.
4. **Гадамер Г. Г.** Деконструкция и герменевтика // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова. СПб., 1999. С. 243-254.
5. **Гадамер Г. Г.** Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем.; вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. **Гадамер Г. Г.** Эстетика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 256-265.
7. **Гумбольдт В.** Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили // Гумбольдт В. Сочинения: в 2-х т. М.: Прогресс, 1984. Т. 2. С. 3-23.
8. **Данилова Н. К.** «Знаки субъекта» в дискурсе. Самара: Самарский университет, 2001. 228 с.
9. **Мамардашвили М.** Сознание и цивилизация: тексты и беседы. М.: Логос, 2004. 271 с.
10. **Мамардашвили М. К.** Техника понимания // Мамардашвили М. К. Мой опыт нетипичен. СПб.: Азбука, 2000. С. 183-198.
11. **Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.** Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.
12. **Потебня А. А.** Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 286-453.
13. **Потебня А. А.** Мысль и язык // Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35-214.
14. **Рикер П.** Интрига и исторический рассказ // Рикер П. Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 1. 313 с.
15. **Рикер П.** Конфигурация в вымышленном рассказе // Рикер П. Время и рассказ: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 2. 224 с.
16. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002. 450 с.
17. **Ricoeur P.** Interpretation Theory: Discourse and the Surplus of Meaning. Texas Christian University Press, 1976. 107 p.

HERMENEUTIC METHODOLOGY OF MODERN CULTURE PHENOMENA RESEARCH

Liliya Ivanovna Kabanova, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Petrozavodsk State University
Lila31@yandex.ru

The author discusses the subject of hermeneutic methodology use for the research of various culture phenomena and particularly contemporary art phenomena, considers the hermeneutic conceptions presented in the works of M. Heidegger, G. G. Gadamer, P. Ricker, M. Bakhtin, M. Mamardashvili and substantiates the idea that hermeneutic method universality is conditioned by its concentration on understanding phenomenon.

Key words and phrases: hermeneutics; understanding; sign; symbol; self-understanding.

УДК (091)130.2

В статье анализируются аспекты религиозной и крестьянской тематики в русском авангарде. Отмечается, что характерной особенностью русского авангарда, оказавшего существенное влияние не только на область художественную, но и на весь строй эпохи, стала актуализация традиционализма. Опираясь во внешнем опыте на концепт новизны, внутри, в онтологии своего появления и проявления русский авангард соразмерен сущностным основаниям отечественной культурной традиции.

Ключевые слова и фразы: русский авангард; русская культура; традиционализм; идея целостности; крестьянские циклы Малевича.

Лилия Ивановна Кабанова, к. филос. н.
Кафедра философии
Петрозаводский государственный университет
Lila31@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ И КРЕСТЬЯНСКАЯ ТЕМА В РУССКОМ АВАНГАРДЕ©

Интерес к религиозной и крестьянской тематике в русском авангарде обусловлен вопросом о том, почему новаторская по своей сути культура авангарда возвращается в своих основных интенциях к традиционализму, к исконным национальным корням и истокам как важнейшему для всего русского и особенно художественного авангарда мотиву творчества. Полагаем, что ответ на данный вопрос может быть сокрыт в отношении к более широкой теме - новаторства и традиции в культуре.